

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. ПАНОВЫМЪ И Н. ПЕРЕСОВЫМЪ

ТОМЪ XLIX

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШКОЛЫ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

=
1855

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ указанное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, декабря 31 дня 1858 года.

Ценсоръ В. Волковъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ:

	Стр.
На озеръ. Стихотв. А. А. ФЕТА	5
Осень. Стихотв. А. А. ФЕТА.	6
Застѣнчивость. Стихотв. Н. А. НЕКРАСОВА.	7
Записки маркиза. Разсказъ Л. Н. Т.	9
Не сжатая полоса. Стихотв. Н. А. НЕКРАСОВА	27
Сосны. Стихотв. А. А. ФЕТА.	28
Мѣсяцъ въ деревнѣ. Комедія ИВ. С. ТУРГЕНЕВА	29
Тонкій человекъ, его приключенія и наблюденія. (Главы I, II, III и IV). Н. А. НЕКРАСОВА	171
Арлекинъ. Стихотв. А. Н. МАЙКОВА	205

Жизнь Алкивиада, по новѣйшимъ о ней изслѣдованіямъ. М^в. Статья первая 1

Журналъ Степана Петрова сына Хметевскаго о военныхъ дѣйствіяхъ русскаго флота въ Архипелагѣ и у береговъ Малой Азии въ 1770—1774 годахъ. Статья первая. (I. 1730—1769. Дѣтство Хметевскаго. — Первоначальная служба. — Женитьба и смерть жены. — Продолженіе службъ. II. 1769—1770 годы. Отправленіе эскадры. — Прибытіе въ Портсмутъ. — Плаваніе въ Архипелагъ. — Битвы при Наполи ди-Романія. — Битва въ пролиаѣ Хиоскомъ. — Истребленіе турецкаго флота при Чесмѣ. — Осада крѣпости Литодін, на островѣ Лемносъ. — Описаніе острова Тасо. — Письмо смирскихъ консуловъ графу А. Г. Орлову. — Письмо Семъль-Гапана, къ нему же. — Декларация греческихъ епископовъ Архипелага. — Продолженіе осады Литодін. — Дальнѣйшія дѣйствія русскаго флота. — Общее обзорнѣе Архипелага. III. 1771. Награды за Чесменскую битву. — Рескрипты графу А. Г. Орлову и адмиралу Спиридову, — Спискомъ острововъ, отдавшихся подъ покровительство Россіи. — Островъ Антипаросъ и обзорнѣе Антипаросской пещеры. — Высадка на островъ Негропонтъ. — Осада Тенедосской крѣпости. — Высадка на Масконійскіе острова. — Высадка на островъ Метеллину, сожженіе турецкихъ кораблей. — Битва фрегатова Архипелага и Саитарно. — Нравы архипелажскихъ грековъ 37

О мысли въ произведеніяхъ изящной словесности. (Замѣтки по поводу послѣднихъ произведеній гг. Тургенева и Л. Н. Т.). П. В. А.—В. А.

Мѣсяцесловъ на 1855 годъ (1). — Вѣстникъ естественныхъ наукъ, литературно-художественная газета, издаваемая Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Испытателей Природы (6). — Мелочи изъ запаса моей памяти. М. Дмитріева (11). — Опытъ общесравнительной граммати-

(Смотри окончаніе оглавленія въ концѣ книги, на внутренней сторонѣ обертки.)

ЗАПИСКИ МАРКЕРА.

Такъ, часу въ третьемъ было дѣло. Играли господа: гость большой (такъ его наши прозвали), князь былъ, (что съ нимъ все ѣздить), усатый баринъ тоже былъ, гу-сарь малевъкій, Оливеръ, что въ актерахъ былъ, *Памъ* были. Народу было порядочно.

Гость большой съ княземъ играли. Только вотъ я себѣ съ машинкой кругъ бильярда похаживаю, считаю: десять и сорокъ-восемь, двѣнадцать и сорокъ-восемь. Извѣстно, наше дѣло маркерское; у тебя еще во рту куска не было и не спалъ-то ты двѣ ночи; а все знай покрикивай, да шары вы-нимай. Считаю себѣ, смотрю, повый баринъ какой-то въ дверь вошелъ, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ да и сѣлъ на дива-чкѣ. Хорошо.

Кто, молъ, это такой будетъ? изъ какихъ, то есть, ду-маю про себя.

Одѣтъ чисто, ужъ такъ чисто, что какъ съ иглочки все платье на немъ: брюки триковые клѣтчатые, сертучокъ модный, коротенькой, жилетъ плюшевый и цѣпь золотая, а на ней всякія штучки висятъ.

Одѣтъ чисто, а ужъ изъ себя еще того чище: тонкій, вы-сокій, волоса завиты напередъ, по модному, и съ лица бѣлый, румяный, ну, сказать, молодець.

Оно извѣстно, наше дѣло такое, что народу всякаго видимъ; и самаго, что ни есть важнаго и дрянна-то много

бываетъ; такъ все хотя и маркель, а къ людямъ приноровишься; то есть въ томъ разѣ, что въ политикѣ—то кое-что смыслишь.

Посмотрѣлъ я на барина, вижу, сидитъ тихо, ни съ кѣмъ не знакомъ и платье-то на немъ новехонько, думаю себѣ: али изъ иностранцевъ, англичанъ будетъ, али изъ графовъ какихъ прїѣзжихъ. И даромъ—что молодой, видъ имѣеть въ себѣ. Подлѣ него Оливеръ сидѣлъ, такъ посторонился даже.

Кончили партію; большой проигралъ. Кричитъ на меня:

— Ты, говорить, все врешь, не такъ считаешь, по сторонамъ смотришь.

Бранится, кій шваркнулъ и ушелъ. Вотъ поди ты! По вечерамъ съ княземъ по пятидесяти цѣлковыхъ партію играютъ, а тутъ бутылку макому проигралъ и самъ не въ себѣ. Ужъ такой характеръ! Другой разъ до двухъ часовъ играютъ съ княземъ; денегъ въ лузу не кладутъ, и ужъ знаю, денегъ нѣтъ ни у того, ни у другого, а все фарсятъ:

— Идетъ, говорить, отъ двадцати-пяти уголъ?

— Идетъ!

Эвви только, али шара не такъ поставъ — вѣдь не каменный человѣкъ? — такъ только послушай:

— Не на щецки, говорить, играютъ, а на деньги.

Ужъ этотъ пуще всѣхъ меня донимаетъ.

Ну хорошо. Только князь и говорить новому барину-то, какъ большой ушелъ:

— Не угодно ли, говорить, со мной сыграть?

— Съ удовольствіемъ, говорить.

Сидѣлъ овъ, такъ такимъ фоганомъ смотреть, что ну! Куражный то есть изъ себя, ну а какъ всталъ, подошелъ къ бильярдъ, и не то. Заробѣлъ. Заробѣлъ, не заробѣлъ, а видно, что ужъ не въ своемъ духѣ. Въ платьѣ, что ли, въ новомъ пеловко, али боится, что смотреть всѣ на него, только ужъ форцу того нѣтъ. Ходитъ бокомъ какъ-то, карманомъ за лузы цѣпляеть, станеть кій мѣлить, мѣлъ уронить. Гдѣ бы и сдѣлалъ шара, такъ все оглядывается, да краснѣеть. Не то, что князь: тотъ ужъ привыкъ — намѣлать, намѣлать себѣ руку, рукава засучить, да какъ пойдетъ садить, такъ лузы трещать, даромъ—что маленькой.

Сыграли двѣ ли три партіи, ужь не помню, князь кѣмъ положилъ, говорить:

— Позвольте узнать, какъ ваша фамилія.

— Нехлюдовъ, говорить.

— Вашъ, говорить, батюшка корпусомъ командовалъ?

— Да, говорить.

Тутъ по французски что-то часто заговорили; ужь я не помню. Должно, все родство вспоминали.

— А ревуаръ, говорить князь: — очень радъ съ вами познакомиться.

Вымылъ руки и ушелъ кушать; а тотъ стоитъ съ кѣмъ у бильярда, шарики поталкиваетъ.

Наше дѣло, извѣстно, съ новымъ человѣкомъ, что грубѣй быть, то лучше: я взялъ шары да и собираю. Онъ покраснѣлъ, говорить:

— Можно еще сыграть?

— Извѣстно, говорю, на то бильярдъ стоитъ, чтобъ играть.

А самъ на него не смотрю, кѣмъ уставляю.

— Хочешь со мной играть?

— Извѣстно, говорю, сударь.

Шары поставилъ.

— На пролазъ угодно?

— Что такое значить, говорить, на пролазъ?

— Да такъ, я говорю, вы мнѣ полтинничекъ, а я подѣ бильярдъ пролазу.

Извѣстно, ничего не видавши, чудно ему показалось, смѣется.

— Давай, говорить.

— Хорошо. Я говорю: мнѣ впередъ сколько пожалеете?

— Развѣ, говорить, ты хуже меня играешь?

— Какъ можно, я говорю, у насъ противъ васъ и игрокъ мало.

Стали играть. Ужь онъ и точно думаетъ, что мастеръ: стучить такъ, что бѣда; а Панъ сидитъ да все приговариваетъ:

— Вотъ такъ шаръ! вотъ такъ ударъ!

А какой!... ударилка точно былъ, да расчету ничего не знаетъ. Ну, какъ водится, проигралъ я первую партію: молѣзь, крихчу. Тутъ Оливеръ, Панъ съ мѣстовъ пососкочили, кѣми стучать.

— Славно! Еще! говорятъ — еще!

А ужь чего «еще»! особенно Панъ-то за полтинничъ радъ бы не то подъ бильярдъ, подъ Сивій мостъ пролѣзть. А то туда же кричитьъ:

— Славно, говорить, пыль не всю еще вытеръ.

Петрушка маркѣль, я чай, всѣмъ извѣстенъ. Тюрникъ былъ да Петрушка маркѣль.

Только игры, извѣстно, не открылъ: проигралъ другую.

— Миѣ, говорю — съ вами, сударь — такъ и такъ не сыграть.

Смѣется. Потомъ какъ выигралъ я три партіи — у никъ сорокъ-девять было, у меня никого — я положилъ кій на бильярдъ, говорю:

— Угодно, баринъ, на всю?

— Какъ на всю? говорить.

— Либо три рубли за вами, либо ничего, говорю.

— Какъ, говорить, развѣ я съ тобой на деньги играю? Дуракъ!

Покраснѣлъ даже.

Хорошо. Проигралъ онъ партію.

— Довольно, говорить.

Досталъ бумажникъ, новенькой такой, въ аглицкомъ магазинѣ купленъ, открылъ, ужь я вижу, пофорсить хотѣлъ. Полнехонекъ денегъ, да все сторублевыя.

— Нѣтъ, говорить, тутъ мелочи нѣтъ.

Досталъ изъ кошелька три рубля.

— Тебѣ, говорить, два, да за партіи, а остальное возьми на водку.

Благодарю, молъ, покорно. Вижу баринъ славный! Для такого можно полазить. Одно жаль, на деньги не хочетъ играть; а то, думаю, ужь я бы изловчился: глядѣшь, рублей двадцать, а то и сорокъ потянулъ бы.

Какъ Панъ увидѣлъ деньги у молодого барина-то. — Не угодно ли, говорить, со мной партію? Вы такъ отлично играете. Такой лисой подѣхалъ.

— Нѣтъ, говорить, извините; миѣ некогда. И ушелъ.

И не знай, кто онъ такой былъ Панъ этотъ. Прозвалъ его кто-то ланомъ, такъ и пошло. День деньской, бывало, сидитъ въ бильярдной, все смотреть. Ужь его и въ игру ни въ какую не принимали, все сидитъ себѣ, принесетъ трубку и курить. Да ужь и игралъ чисто.

Хорошо. Пришелъ Нехлюдовъ въ другой разъ, въ третій: сталъ часто ходить. И утромъ и вечеромъ бывало ходить. Въ три шара, алагерь, пирамидку: все узналъ. Смѣлѣй сталъ, познакомился со всѣми и играть сталъ порядочно. Извѣстно человѣкъ молодой, большой фамилин, съ деньгами, такъ и уважалъ каждый. Только съ однимъ съ гостемъ съ большимъ разъ какъ-то повздорилъ.

И изъ-за пустяковъ дѣло вышло.

Играли алагерь князь, гость большой, Нехлюдовъ, Оливеръ и еще кто-то. Нехлюдовъ стоитъ около печки, говорить съ кѣмъ-то; а большому играть. Только шаръ его и прился какъ разъ противъ самой печки: тѣсненько тамъ, да и любить онъ размахнуться.

Вотъ онъ, не видалъ, что ли, Нехлюдова, али нарочито, какъ размахнется въ шара, да Нехлюдова въ грудь турникомъ ка-акъ стукнетъ! Охнулъ даже сердечный. Такъ чтожь? Нѣтъ того, чтобъ извиниться— грубый такой! Пошелъ себѣ дальше, на него и не посмотрѣлъ; да еще бормочетъ:

— Чего, говорить, тутъ суются? Отъ этого шара ме сдѣлаю. Развѣ нѣтъ мѣста?

Тотъ подошелъ къ нему, поблѣднѣлъ весь, а говорить какъ ни въ чемъ не былъ, учтиво такъ:

— Вы бы прежде, сударь, должны извиниться; вы меня толкнули, говорить.

— Не до извиненій мнѣ теперь; я бы, говорить, долженъ выиграть, а теперь, говорить, вотъ моего шара сдѣлаютъ.

Тотъ ему опять говорить:

— Вы должны, говорить, извиниться.

— Убирайтесь вы, говорить. — Вотъ присталъ!

А самъ все на своего шара смотреть.

Нехлюдовъ подошелъ къ нему еще ближе да за руку его.

— Вы невѣжа, говорить, милостивый государь!

Даромъ что тонескій молоденькій, какъ дѣвушка красная, а какой задорный: глазенки горять, вотъ такъ съѣсть его хочеть. Большой-то гость мужчина здоровый, высокій, куда Нехлюдову!

— Что-о? говорить — я невѣжа!

Да какъ закричить, да какъ замахнется на него. Тутъ подскочили, кто былъ, за руки ихъ поймали обонхъ, растащали.

Тары да бары, Нехлюдовъ говорить :

— Пусть онъ мнѣ удовлетворенье дасть, онъ меня оскорбилъ, дескать.

— Никакого, говорить, удовлетворенья знать не хочу, онъ мальчишка, больше ничего. Я его за уши выдеру.

— Ежели вы, говорить, не хотите дать мнѣ удовлетвореніе, такъ вы не благородный человѣкъ.

А самъ чуть не плачетъ.

— А ты, говорить, мальчишка, я отъ тебя ничѣмъ не обижусь.

Ну, развели ихъ, какъ водится, по разнымъ комнатамъ. Нехлюдовъ съ княземъ дружны были. — Поди, говорить, ради Бога, уговори его...

Пошелъ князь. Большой говорить :

— Я, говорить, ничего не боюсь. Не стану, говорить, съ мальчишкой объясняться. Не хочу да я шабашъ.

Чтожь! поговорили, поговорили, да и замолчали; только гость большой пересталъ къ намъ ѣздить.

Насчетъ этого, то есть канфузу, какой пѣтушекъ былъ; амбиціонный былъ... то есть Нехлюдовъ-то... а ужъ что касается чего другого прочаго, такъ вовсе не смыслилъ. Помню разъ :

— Кто у тебя здѣсь есть? говорить князь Нехлюдову-то.

— Никого, говорить.

— Какже, говорить, никого.

— Зачѣмъ? говорить.

— Какъ? зачѣмъ?

— Я, говорить, до сихъ поръ такъ жилъ, такъ отчего же нельзя?

— Какъ: такъ жилъ? Не можетъ быть!

И заливается хохочетъ, и усатый баринъ тоже хохочетъ. Совсѣмъ на смѣхъ подняли.

— Такъ никогда? говорить.

— Никогда.

Помирають со смѣху. Я, извѣстно, сейчасъ понялъ, что они такъ надъ нимъ смѣются. Смотрю: что, мыль, будетъ изъ него?

— Поѣдемъ, говорить князь: — сейчасъ.

— Нѣтъ, ни за что! говорить.

— Ну, полно; это смѣшно, говорить. — Поѣдемъ.

Поѣхали.

Пріѣхали часу въ первомъ. Сѣли ужинать, и собралось ихъ много, что ни есть самые лучшіе господа: Атановъ, князь Разинъ, графъ Шустахъ, Мирцовъ. И всѣ Нехлюдова поздравляютъ, смѣются. Меня позвали, вижу веселы порядочно.

— Поздравляй, говорятъ, барина.

— Съ чѣмъ? говорю.

Какъ бишь онъ сказалъ? съ *посвященіемъ* ли, съ *просвященіемъ* ли? не помню ужъ хорошенько.

— Честь имѣю, говорю, поздравить.

А онъ красный сидитъ; улыбается только. Тото смѣху-то было.

Хорошо. Приходятъ потомъ въ бильярдную, веселы всѣ, а онъ подошелъ къ бильярду, облокотился да и говорить:

— Вамъ, говорить, смѣшно, а мнѣ грустно. Зачѣмъ, говорить, я это сдѣлалъ; и тебѣ, говорить, князь, и себѣ въ князь свою этого не прощу.

Да какъ заляжется, заплачетъ. Извѣстно: самъ не знаетъ, что говорить. Подошелъ къ нему князь, улыбается самъ.

— Полно говорить пустяки! Поѣдемъ домой, Анатолій.

— Никуда, говорить, не поѣду. Зачѣмъ я это сдѣлалъ?

А самъ-то заливается. Нейдетъ отъ бильярда да и шабашъ.

Что значить человекъ молодой, непривычный. — . —

Такимъ-то родомъ ѣзжалъ онъ къ намъ часто. Пріѣзжаютъ разъ съ княземъ и съ усатымъ господиномъ, который все съ княземъ ходилъ. Ѳедоткой его все господа звали. Скуластый, дурной такой, а ходилъ чисто и въ наретъ ѣзжалъ. За что его господа такъ любили? ужъ право не вѣдаю. *Ѳедотка, Ѳедотка*, а глядишь его и кормятъ, и поятъ, и деньги за него платятъ. Да ужъ и продувной же былъ! проиграетъ, не платитъ; а выиграетъ такъ не бось! Ужъ чего ему не доставалось... а все съ княземъ подъ ручку ходить.

— Ты, говорить, пропадешь безъ меня. Я Ѳедотъ, говорить, да не тотъ.

Шутникъ такой! Ну ладно. Пріѣхали, говорить:

— Давай алагерь втроемъ составимъ.

— Давай, говорить.

Стали играть по три рубля ставку. Нехлюдовъ съ княземъ тары да бары.

— Ты, говорить, посмотри, какая у нея ножка. Нѣтъ, говорить, что ножка? у нея коса, говорить, хороша.

Извѣстно на игру не смотреть; только все промежъ себя разговариваютъ. А *Федотка* свое дѣло помнить, знай съ накатцемъ сыграетъ, а тѣ промахъ али вовсе на себя. И зашибъ по шести рублей съ брата. Съ княземъ-то у нихъ Богъ знаетъ какіе счеты были, никогда другъ другу денегъ не платили, а Нехлюдовъ досталъ двѣ зелененькихъ, подаетъ ему.

— Нѣтъ, говорить, я не хочу съ тебя денегъ брать. Давай простую сыиграемъ: втудубль, то есть: либо вавое либо шавья.

Поставилъ я шаровъ. *Федотка* впередъ ввляъ и стали играть. Нехлюдовъ-то бьетъ, чтобъ пофарсить, другой разъ на партію стоитъ, нѣтъ — говорить — не хочу, легко, мыль, слишкомъ; а *Федотка* свое дѣло не забываетъ, знай себѣ подбираетъ. Извѣстно игру скрылъ, да какъ будто невзначай и выиграй партію.

— Давай, говорить, еще на всѣ.

— Давай.

Опять выигралъ.

— Съ пустяковъ, говорить, началось; я не хочу у тебя много выигрывать. Идетъ на всѣ?

— Идетъ.

Оно какъ бы ни было, пятидесяти-то рублей жалко; ужъ Нехлюдовъ просить: «давай на всю». Пошла да пошла, дальше да больше, двѣсти-восемьдесятъ рублей на него и набилъ. *Федотка* снаровку знаетъ: простую проиграетъ, а уголъ выиграетъ. А князь сидитъ, видитъ, что дѣло въ серъезъ пошло.

— *Асе*, говорить, *асе*.

Какой!... все кушъ прибавляютъ.

Наконецъ тому дѣло вышло, за Нехлюдовымъ пять-сотъ съ чѣмъ-то рублей. *Федотка* кій положилъ, говорить:

— Недовольно ли? я усталъ, говорить.

А самъ до зари готовъ играть, только бѣ денежки были; политика, извѣстно. Тому еще пуще хочется: давай да давай.

— Нѣтъ, говорятъ, ей Богу усталъ. Пойдемъ, говорить, наверхъ; тамъ реваншъ возьмешь.

А наверху у насъ въ карты играли господа.

Вотъ съ того самаго числа, такъ его *Федотка* окрутилъ, что началъ онъ къ намъ каждый день ѣздить. Сыграетъ партію-другую да и наверхъ, да и наверхъ.

Ужь что тамъ у нихъ бывало? Богъ ихъ знаетъ; только, что совсѣмъ другой человекъ сталъ и съ *Федоткой* все пошло за одно. Прежде бывало модный, чистенькій, завитой, а нынче только съ утра еще въ настоящемъ видѣ; а какъ наверху побывалъ, придетъ: на себя не похожъ!

Разъ этакимъ манеромъ приходитъ оттуда съ княземъ, блѣдный, губы трясутся и спорить что-то.

— Я, мыль, не позволю ему, говорить, миѣ (какъ бышь онъ сказалъ?).... что я не *великатынъ*, что ли, и что онъ не будетъ со мной играть. Я, говорить, ему десять тысячъ заплатилъ, такъ онъ могъ бы при другихъ-то быть осторожнѣе.

— Ну, полно, говорить князь, стоятъ ли на *Федотку* сердиться.

— Нѣтъ, говорить, я этого такъ не оставляю.

— Перестань, говорить, какъ можно до того унижаться, чтобъ съ *Федоткой* имѣть исторію.

— Да вѣдь тутъ были посторонніе.

— Чтожь, говорить, посторонніе? Ну хочешь я его сейчасъ заставляю у тебя прощенья просить.

— Нѣтъ, говорить.

И забормотали что-то по французки, ужъ я не понималъ. Чтожь? тотъ же вечеръ съ *Федоткой* вмѣстѣ ужинали, и опять дружба пошла.

Хорошо. Придетъ другой разъ одинъ.

— Что, говорить, хорошо я играю?

Наше дѣло, ввѣстѣю, потрафлять каждому надо, скажешь: хорошо, а какой хорошо, стучить дуромъ, а расчету ничего нѣтъ. И съ того самаго время какъ съ *Федоткой* связался, все на деньги играть сталъ. Прежде не любилъ: ни на что, ни на кушанье, ни на шампанское. Бывало, князь скажетъ:

— Давай на бутылку шампанскаго.

— Нѣтъ, говорить, я лучше такъ велю принести, Гей! дай бутылку.

А нынче все на интересъ сталъ играть. Ходить, бывало, ловъ деньской у насъ: или съ кѣмъ въ бильярдъ играетъ, или

наверхъ пойдетъ. Я себѣ и думаю; что же другимъ, а не мнѣ все будетъ доставаться.

— Что, говорю, сударь со мной давно не играли?

Вотъ и стали играть.

Какъ набилъ я на него полтинниковъ десять, — На квитъ, говорю, хотите, сударь?

Молчатъ. Не то что прежде дурака сказалъ. Вотъ и стали играть: на квитъ да на квитъ; я на него рублей восемьдесятъ и набилъ. Такъ чтожь? Каждый день со мной играть сталъ. Того и ждетъ бывало, чтобы не было никого, а то, извѣстно, при другихъ стыдно ему съ маркеломъ играть. Разъ какъ-то погорячился онъ, а рублей ужъ за нимъ съ шестьдесятъ было.

— Хочешь, говорить, на всѣ.

— Идетъ, говорю.

Выигралъ я.

— Сто-двадцать на сто на двадцать?

— Идетъ, говорю.

Опять выигралъ.

— Двѣсти-сорокъ на двѣсти на сорокъ?

— Не много ли будетъ, говорю.

Молчатъ. Стали играть: опять моя партія.

— Четыреста-восемьдесятъ на четыреста на восемьдесятъ.

Я говорю:

— Чтожь, сударь, мнѣ васъ обижать. Сто-то рубликовъ пожалуйста; а то пусть такъ будутъ.

Такъ онъ какъ крикнетъ! А вѣдь какой тихой былъ.

— Играй, или не играй.

Ну вижу дѣлать нечего.

— Триста восемьдесятъ, говорю, извольте.

Извѣстно хотѣлъ проиграть.

Далъ я сорокъ впередъ. У него пятьдесятъ-два было, у меня тридцать-шесть. Сталъ онъ желтаго рѣзать, да и положи на себя восемнадцать очковъ, а мой — на перекалъ стоялъ.

Ударилъ я такъ, чтобъ выскочилъ шаръ. Не тутъ-то было, онъ дуплетомъ и упади. Опять моя партія.

«— Послушай, говорятъ, *Петръ* (Петрушкой не назвалъ) я тебѣ сейчасъ не могу отдать всѣхъ; а черезъ два мѣсяца хоть три тысячи могу заплатить».

А самъ весь краснѣйшій сталъ, дрожить ажно голосъ у него.

— Хорошо, говорю, сударь.

Да и поставилъ кій. Онъ походилъ, походилъ, потъ такъ съ него и льетъ.

— Петръ, говорить, давай на всѣ.

А самъ чуть не плачетъ.

И говорю :

— Что, сударь, играть!

— Ну, давай, пожалуйста.

И самъ кій мнѣ подастъ. Я взялъ кій, да шары на бильярдъ такъ шваркнулъ, что на полъ полетѣли — извѣстно, нельзя не пофарсить; говорю :

— *Давай, сударь.*

А ужъ онъ такъ заторопилъ, что самъ шаръ поднялъ. Думаю себѣ : «не получить мнѣ семи-сотъ рублей; все равно проиграю». Сталъ нарочно играть. Такъ что же?

— Зачѣмъ, говорить, нарочно дурно играешь.

А у самого руки дрожать; а какъ шаръ къ лузѣ бѣжить, такъ пальцы растарашить, ротъ скривить, да все къ лузѣ и головой-то и руками тянетъ. Ужъ я говорю :

— Этимиъ не поможешь, сударь.

Хорошо. Какъ выигралъ онъ эту партію, я говорю :

— Сто-восемьдесятъ рубликовъ за вами будетъ, да полтора партій; а я, мыль, ужинать пойду.

Поставилъ кій и ушелъ.

Сѣлъ я себѣ за столикъ противъ двери; а самъ смотрю: что, молъ, изъ него будетъ? Такъ чтожь? Походить, походить — чай думаетъ: никто на него не глядитъ — да за волосы себя какъ дернетъ и опять ходитъ, бормочетъ все что-то; да опять какъ дернетъ.

Послѣ того дней съ восемь не видать его было. Пришелъ въ столовую разъ, угрюмый такой, и въ бильярдную не зашелъ.

Увидалъ его князь :

— Пойдемъ, говорить, сыиграемъ.

— Нѣтъ, говорить, я больше играть не буду.

— Да, полно пойдемъ.

— Нѣтъ, говорить, не пойду. Тебѣ, говорить, добра не сѣлаетъ, что я пойду, а мнѣ дурно отъ этого будетъ.

Такъ и не ходилъ дней съ десять еще. А потомъ на праздникахъ какъ-то заѣхалъ, во фракѣ, видно въ гостяхъ былъ — и цѣлый день пробылъ: все игралъ, на другой день пріѣхалъ, на третій... Пошло по старому. Хотѣлъ я, было, съ нимъ еще поиграть.

— Такъ нѣтъ, говорить, съ тобой играть не стану: а сто-восемьдесятъ рублей, что я тебѣ долженъ, приди ко мнѣ черезъ мѣсяцъ: получишь.

Хорошо. Пришелъ къ нему черезъ мѣсяцъ.

— Ей-Богу, говорить, нѣтъ, а въ четвергъ приди.

Пришелъ я въ четвергъ; славную такую квартиру заималъ.

— Что? говорю — дома?

— Почиваетъ, говорятъ.

Хорошо, подожду.

Камердинъ у него изъ своихъ былъ: старичокъ такой сѣденькой, простой, ничего подцѣпки не зналъ. Вотъ и поразговорились мы съ нимъ.

«Что, говорить, мы тутъ живемъ съ барининомъ? Совсѣмъ заматались и никакой намъ ни чести, ни пользы нѣтъ отъ Петербургу отъ этого. Изъ деревни ѣхали, думали: будемъ какъ при покойникѣ баринѣ, царство небесное, по князьямъ, по грѣхамъ да по генераламъ ѣздить; думали: возьмемъ себѣ какую изъ графинь краю, съ приданымъ, да и заживемъ по дворянски; а выходитъ на повѣрку, что мы только по трактирамъ бѣгаемъ — совсѣмъ плохо! Княгиня-то Ртищева вѣдь намъ тетка родная, а князь Воротынецъ тятенька хресный. Чтожъ? только на Рождество былъ разъ, да и посу не кажется. Ужъ ихніе люди и то смѣются мнѣ: что, мыль, вашъ баринъ-то видно не въ папеньку пошелъ. Я разъ и говорю ему:

«— Что, сударь, къ тетенькѣ не изволите ѣздить. Они скачаютъ, что васъ давно не видали.

«— Скучно, говорить, тамъ, Демьянычъ.

«Поди ты! только и веселья нашелъ, что въ трактирѣ. Хоть бы служилъ бы, что ли, а то нѣтъ: занялся картами да прочимъ; а ужъ евти дѣла никогда къ добру не поведуть... Э-эхъ! пропадаемъ мы, такъ ни за грошъ пропадаемъ!... У насъ отъ барыни покойницы, царство небесное, богатѣйшее имѣние отдалось: тысяча душъ слишкомъ, тысячъ на

треста гѣсу было. Все заложилъ теперь, гѣсъ продалъ, имѣніе раззорилъ, и все нѣтъ ничего. Безъ господина, извѣстно, управляющій самъ больше господина. Ему что? набить бы только карманъ; а тамъ хоть все пропадай. Намедни пришли два мужичка, жалобы принесли отъ всей вотчины.

«— Раззорилъ, говорятъ, въ конецъ имѣніе.

«Чтожь? прочитаю жалобы, далъ по десяти рублей мужичкамъ. — Я, говорить, самъ скоро буду. Получу деньги, говорить, расплачусь, тогда уѣду.

«А гдѣ расплатиться, когда мы все долги дѣлаемъ. Вѣдь много ли, мало ли тутъ зиму прожили, тысячь восемьдесятъ спустили; а теперь въ домъ рубля серебромъ нѣту. А все отъ добродѣтели своей. Ужь такой простой баринъ, что и сказать нельзя. Отъ этого самого и пропадаетъ, такъ вотъ, ни за что пропадаетъ.»

И самъ чуть не плачетъ старикъ—то.

Проснулся часу въ одиннадцатомъ, позвалъ меня.

— Не прислали мнѣ, говорить, денегъ, только я не виновать. Затвори, говорить, дверь.

И затворилъ.

— Вотъ, говорить, возьми часы или булавку брильянтовую и заложилъ ихъ. Тебѣ, говорить, за нихъ больше ста-восемьдесятъ рублей дадутъ, а когда я получу деньги, то выкупаю, говорить.

— Чтожь, я говорю, сударь, коли денегъ у васъ нѣтъ, нечего дѣлать: пожалуйте хоть часы. Я для васъ могу уважить.

А самъ вижу, что часы рублей треста стоятъ.

Хорошо. Заложилъ я часы за сто рублей, а записку ему принесъ.

— Восемьдесятъ, говорю, рублей за вами будутъ; а часы сами извольте выкупить.

Такъ и по сіе время, восемьдесятъ рублей моихъ денегъ за нимъ осталось.

Такимъ—то родомъ сталъ онъ къ намъ опять каждый день ходить. Ужь не знаю, какіе у нихъ промежь себя расчеты были, только все выѣстъ съ княземъ ѣзжали. Или съ Флоткой наверхъ пойдутъ играть. И тоже какіе—то у нихъ угроемъ мудреные счеты были: тотъ тому даетъ, тотъ тому даетъ; а кто кому долженъ? не разберешь никакъ.

И бывалъ онъ такимъ манеромъ у насъ два года, почти-тай, что каждый день: только видъ ужъ свой потерялъ: бой-кой сталъ и другой разъ до того доходилъ, что у меня по цѣлковому занималъ извощику отдать; а по сту рублей съ княземъ партію играли.

Скучной, худой, желтый сталъ. Приѣдетъ, бывало, аб-сенту сейчасъ рюмочку велить подавъ, *канале* закусить, да портвейномъ запьеть; ну и повеселѣй какъ будто.

Приѣзжаетъ разъ передъ обѣдомъ, на масляницѣ дѣло было, и сталъ съ какимъ-то гусаромъ играть.

— Хотите, говорить, заинтересовать партію?

— Извольте, говорить. — На что?

— Бутылку Клодвужо, хотите?

— Идетъ.

Хорошо. Гусаръ выигралъ и пошли кушать. Съѣли за столъ; только Пехлюдовъ и говорить:

— Simon! бутылку клодвужо; да смотри согрѣть хоро-шенько.

Simon ушелъ, привоситъ кушанье, бутылки нѣтъ.

— Чтожь, говорить, вино?

Simon побѣжалъ, привоситъ жаркое.

— Подавай же вино, говорить.

Simon молчитъ.

— Что ты съума сошелъ! мы ужъ кончаемъ обѣдать, а вина нѣтъ. Ктожь его пьеть съ десертомъ?

Побѣжалъ Simon.

— Хозяинъ, говорить, васъ просить.

Покраснѣлъ весь, выскочилъ изъ-за стола.

— Что, говорить, ему надо?

А хозяинъ стоять у двери.

— Я, говорить, не могу вамъ больше вѣрить, коли вы мнѣ по счету не заплатите.

— Да я, говорить, вамъ сказалъ, что я въ первыхъ чи-слахъ отдамъ.

— Какъ вамъ угодно, говорить, будетъ; а я въ долгъ не могу безпрестанно давать и ничего не получать. У меня и такъ, говорить, десятки тысячъ въ долгахъ пропадаютъ.

— Ну, полно, *моншеръ*, говорить, ужъ мнѣ-то можно по-вѣрить. Пришлите бутылку, а я постараюсь вамъ поскорѣе отдать.

И убѣждалъ самъ.

— Что это, васъ зачѣмъ вызывали? гусаръ говорить.

— Тамъ, говорить, просилъ меня объ одной вещи.

— А славно бы, говорить гусаръ, теперь винца тепленькаго стаканъ выпить.

— *Simon*, что же?!

Побѣждалъ мой *Simon*. Опять нѣтъ ни вина, ничего, Плохо. Вышелъ изъ-за стола побѣждалъ ко мнѣ.

— Ради Бога, говорить, Петруша, дай мнѣ шесть цѣлковыхъ.

А на самомъ лица нѣтъ.

— Нѣту, говорю, сударь, ей Богу, да и ужь и такъ за вами мовхъ много.

— Я тебѣ, говорить, сорокъ цѣлковыхъ за шесть черезъ недѣлю отдамъ.

— Коли бы были, говорю, я бы не смѣлъ отказать, а то ей-ей нѣту.

Такъ что же? выскочилъ, зубы стиснулъ, кулаки сжалъ, какъ шальной по коридору бѣгаетъ, да по лбу себя какъ треснетъ.

— Ахъ! говорить — Господи! Что это?

Даже не зашелъ въ столовую, вскочилъ въ карету и ускакалъ.

То-то смѣху было. Гусаръ говорить:

— Гдѣ, молъ; баринъ, что со мной обѣдалъ?

— Уѣхалъ, говорятъ.

— Какъ уѣхалъ? Чтожъ онъ сказать велѣлъ?

— Ничего, говорятъ, не велѣли сказывать: сѣли да и уѣхали.

— Хорошъ, говорить, гусь!

Ну, думаю себѣ, теперь долго ѣздить не будетъ, послѣ то есть сраму такого. Такъ нѣтъ. На другой день въ вечеру прѣзжаетъ. Пришелъ въ бильярдную и ящикъ какой-то съ собой принесъ. Снял пальто.

— Давай играть, говорить.

Глядитъ изъ подлобья, сердитый такой.

Сыграли партіюку.

— Довольно, говорить, поди принеси мнѣ перо и бумага — письмо нужно написать.

Я ничего не думамши, не гадамши, принесъ бумаги, положилъ на столъ въ маленькую комнату.

— Готово, говорю, сударь.

Хорошо. Сѣлъ за столъ. Ужь онъ писалъ, писалъ, бормоталъ все что-то; вскочилъ, потомъ нахмуренный такой:

— Поди, говорить, посмотри, прїѣхала ли моя карета?

Дѣло въ пятницу на масляной было, такъ никого изъ гостей не было: всѣ по баламъ.

Я пошелъ было узнать объ каретѣ, только за дверь вышелъ:

— Петрушка! Петрушка! кричить, точно испужался чего.

Я вернулся. Смотрю, онъ бѣлый, вотъ какъ полотно, стоять на меня смотритъ.

— Звать, говорю, изволили, сударь?

Молчать.

— Что, говорю, вамъ угодно?

Молчать.

— Ахъ, да! давай еще играть, говорить.

Хорошо. Выигралъ онъ партію.

— Что, говорить, хорошо я научился играть?

— Да, я говорю.

— То-то. Поди, говорить, теперь узнай, что карета?

А самъ по комнатѣ ходить.

Я себѣ, ничего не думая, вышелъ на крыльцо: вижу кареты никакой нѣтъ, иду назадъ.

Только иду назадъ, слышу кіемъ ровно стукнулъ кто-то. Вхожу въ бильярдную: пахнетъ что-то чудно.

Глядь: а онъ на полу лежитъ, ве-есь въ крови и пистоль подлѣ брошена. Такъ я до того испужался, что слова сказать не могъ.

А онъ дрыгнетъ, дрыгнетъ ногой, да и потянется. Захрапѣлъ потомъ, да и растянулся вотъ такимъ родомъ.

И отчего такой грѣхъ съ нимъ случился, что душу свою загубилъ, то есть Богъ его знаетъ; только что бумагу эту оставилъ, да и то я никакъ не соображу.

Подлинно, ужь чего не дѣлается на свѣтѣ!

«Богъ далъ мнѣ все, чего можетъ желать человекъ: богатство, имя, умъ, благородныя стремленія. Я хотѣлъ наслаждаться и затопталъ въ грязь все, что было во мнѣ хорошаго.

«Я не обезчещенъ, не несчастенъ, не сдѣлалъ никакого преступленія; но я сдѣлалъ хуже: я убилъ свои чувства, свой умъ, свою молодость.

«Я олутанъ грязной сѣтью, изъ которой не могу выпутаться и къ которой не могу привыкнуть. Я безпрестанно падаю; падаю, чувствую свое паденіе и не могу остановиться.

— . —

... «И что погубило меня? Была ли во мнѣ какая нибудь сильная страсть, которая бы извиняла меня. Нѣтъ.

... «Хороши мои воспоминанія.

«Одна ужасная минута забвенія, которой я никогда не забуду, заставила меня опомниться. Я ужаснулся, когда увидѣлъ, какая неизмѣримая пропасть отдѣляла меня отъ того, чѣмъ я хотѣлъ и могъ быть. Въ моемъ воображеніи возникли надежды, мечты и думы моей юности.

«Гдѣ тѣ свѣтлыя мысли о жизни, о вѣчности, о Богѣ, которыя съ такою ясностію и силой наполняли мою душу? Гдѣ безпредметная сила любви, отрадливой теплотой согрѣвавшая мое сердце? Гдѣ надежда на развитіе, сочувствіе ко всему прекрасному, любовь къ роднымъ, къ ближнимъ, къ труду, къ славѣ? Гдѣ понятіе обязанности?

— . —

... «А какъ бы я могъ быть хорошъ и счастливъ, ежели бы шелъ по той дорогѣ, которую, вступая въ жизнь, открылъ мой свѣжій умъ и дѣтское, истинное чувство! Не разъ пробовалъ я выйти изъ колеи, по которой шла моя жизнь, на эту свѣтлую дорогу. Я говорилъ себѣ: употреблю все, что есть у меня воли, и не могъ. Когда я оставался одинъ, мнѣ становилось неловко и страшно съ самимъ собой. Когда я былъ съ другими, я забывалъ неволью свои убѣжденія, не слышалъ болѣе внутренняго голоса и снова падалъ.

«Наконецъ я дошелъ до страшнаго убѣжденія, что не могу подняться, пересталъ думать объ этомъ и хотѣлъ забыться; но безнадежное раскаяніе еще сильнѣе тревожило меня. Тогда мнѣ въ первый разъ пришла мысль о самоубійствѣ.

— . —

«Я думалъ прежде, что близость смерти возвыситъ мою душу. Я ошибался. Черезъ четверть часа меня не будетъ, а взглядъ мой нисколько не измѣнился. Я также вижу, также слышу, также думаю; та же странная непослѣдовательность, шаткость и легкость въ мысляхъ. — . —

«Непостижимое созданіе человѣкъ!»

Л. Н. Т.
